

вечество понижается как бы до взгляда на звериное стадо... Является как бы уже не замаскированное презрение к нему!» [6, т. 15, с. 198].

В письме обер-прокурору святейшего синода К. П. Победоносцеву, «предупредительно» приславшему Достоевскому на квартиру «Варшавский дневник» со статьей К. Леонтьева по поводу пушкинской речи, Достоевский, вынужденный быть сдержанным, замечает: «Благодарю за присылку Варшавского дневника; Леонтьев в конце концов немного *еретик* — заметили Вы это? Впрочем об этом поговорю с Вами лично, когда в конце Сентября перееду в Петербург, в его суждениях есть много любопытного» [2, т. IV, с. 195].

Неверие в людей, в их разум, «нечестивство», презрение к человечеству, «еретичество» — содержание того антигуманизма, против которого направлен идеологический пафос «Братьев Карамазовых» и пушкинской речи. Мысли, противные взглядам автора, высказывают бунтующий Иван, Смердяков, плод болезненной фантазии Ивана — черт и, прежде всего, «великий инквизитор». Между тем рядом с писателем живет и пишет принципиальный антигуманист, человек несомненно талантливый, по-своему одержимый, публицист Константин Леонтьев, и Достоевский ищет его, не раз встречается с ним, делает о нем записи в своих тетрадях.

* * *

Обратимся к истории вопроса.

К. Н. Леонтьев (1831—1891) мог войти в орбиту мировоззренческих и художественных интересов Достоевского еще в 1864—1865 гг. Осенью 1864 г. А. П. Суслова, самый близкий к Достоевскому человек в эти годы, получает в Париже письмо от графини Салиас (Евгении Тур) из Версаля. В письме идет речь о новом романе К. Н. Леонтьева «В своем краю», напечатанном в 5—7-й книгах «Отечественных записок» и вышедшем в том же году отдельным изданием.

«Не знаю, что вам понравилось сочинение *в своем краю*, я только знаю, что на деле творится *в своем краю*... А они там романы пишут *в своем краю*. В своей Татарии... Я взглянула на подпись. Писал в своем краю Леонтьев. Я его знаю хорошо, недоучившийся медик, с ума сходящий из самолюбия и тщеславия, невежества уничтожающего и, как всегда при этом, самонадеянности неизмеримой. Это настоящий (сам) потомок длинного ряда черакезов и татар. Я прочту этот роман» [7, с. 271—272].

Евгения Тур познакомилась с Леонтьевым благодаря И. С. Тургеневу, покровительствовавшему студенту и начинающему литератору в начале 1850-х годов. Тургенев помог ему напечататься и приобрести некоторые литературные связи, он ввел Леонтьева в московский салон графини Салиас.

Заинтересовавший Суслову роман автобиографичен. Находясь в плену манеры признанных русских мастеров, Леонтьев, как уверял он сам, создает, однако, произведение «самобытное по мысли». Его «я» в романе расколото: одна часть этого «я» — доктор Руднев, молодой, болезненный, застенчивый, бедный человек. Он «болен грудью», чахоткой, с детства страдает от ложного положения, как незаконный сын дворянина и крестьянки. Он записан в мещане, воспитан в казенном заведении. В пансионе его били, издевались над ним, но он прекрасно учился. Унижения, труд, одиночество и болезненные мечты были уделом его отрочества.

Другой герой, в котором, по свидетельству Леонтьева, *о н т о ж е о п и с а л с е б я* — Милькеев. Это учитель в богатом помещичьем семействе, красавец, имя его Василиск (царь по-гречески, как отмечено самим автором). Фамилия героя имеет восточный оттенок. Милькеев — тщеславный, победительный молодой человек, мнящий себя выше всех окружающих. Он испытывает к людям только снисходительную благодарность за то, что они обожают его. Эгоизм этого, по убеждению ав-